

Буду жить коммунистом...

К 60-летию со дня рождения
Александра Афиногенова

Я познакомился с Александром Афиногеновым в театре, который назывался МХАТ-II. Театр пользовался большим успехом у зрителя, и его руководитель талантливый режиссер и актер Иван Николаевич Берсенев был в хорошем настроении, когда я после одной из репетиций моей пьесы «Свидание» зашел в его кабинет. Кроме Берсенева, в кабинете находились Азарий Михайлович Азарин — замечательный актер театра и Александр Афиногенов. Разговор я застал горячий, и он не прервался с моим приходом. Собственно, говорили Берсенев и Азарин; Афиногенов же молчал. Да, он молчал, но говорили глаза. И то, что они говорили, было, кажется, абсолютно понятно великолепно знавшим его Берсеневу и Азарину, они и не дожидались слов Афиногенова, а продолжали в чем-то его убеждать. Но не убедили.

— Хорошо,— произнес он наконец, вставая с кресла,— я скоро дам ответ.

Афиногенов был драматургом, как это говорится, по крови, от рождения. Зоркие глаза его отчетливо видели большие и малые недостатки в жизни нашей, а пламенное сердце большевика не успокаивалось, пока про тех, кто мешал советским людям легко и свободно дышать, кто тормозил движение вперед нашей страны, не было гневно и страстно рассказано со сцены. Вот уж про кого можно сказать, что он ходил по своей земле и не терпел на своей земле ни малейших недостатков.

А как любил он хороших советских людей, как тонко умел о них писать, раскрывать их души перед зрителем. Он просто обожал таких каким был молодой герой его прославленной пьесы «Чудак» — Борис Волгин. Быстро шагнул с театральной сцены в жизнь Борис Волгин, не вызывая ни малейших сомнений у людей, что он действительно живет на свете. А старая большевичка Клара, героиня знаменитой пьесы «Страх»? Я назвал двух афиногеновских героев, представителей разных поколений. Прочтите эти пьесы. Как велик в них заряд коммунистической идейности и чистоты и как много именно современному молодому человеку могут они дать...

Он был создателем острых, смелых пьес, Александр Николаевич! А в те годы, годы культа личности, кое-кому пришлось не по душе его всегдашняя бескомпромиссность и прямота. Афиногенова встретили однажды на улице, и на вопрос, куда он идет, он ответил, что направляется в МХАТ (он состоял в партийной организации МХАТа), и добавил: исключаться из партии.

Я спросил того, кто его встретил:

— Ну, как он?

И услышал в ответ:

— Его не разберешь.

Через несколько дней после этого мы встретились с Афиногеновым. Я ни о чем не спрашивал. Мы говорили о том, о сем. И только примерно на пятнадцатой минуте он, прервав какую-то мою фразу, тихим голосом задал мне вопрос:

— Почему не спрашиваешь?

— Не могу,— ответил я.

— Я все равно умру коммунистом,— произнес он и вдруг, как бы спохватившись, поправил себя: — Буду жить коммунистом.— И еще через мгновение: — Коммунистом без партбилета.

Я поглядел в его светлые глаза и увидел в них и страшное горе и стальную волю.

— Привык к партбилету,— добавил он,— с ранних лет.— И сам, очевидно, испугавшись того, что встало сейчас перед ним за этими словами, быстро переменял тему разговора.

Александр Афиногенов погиб осенью 1941 года. Это было начало войны, и многие тогда погибали. Но я позволю себе сказать, что даже война и все связанное с ней не заслонили от людей, знавших его, всю горечь этой потери.

Я встретил его после того, как он получил обратно свой партийный билет, был восстановлен в партии. Он был очастлив настолько, что, всегда уравновешенный и спокойный и не слишком многословный, он страшно много говорил, смеялся и даже что-то напевал.

Он жил мало, Саша Афиногенов, а написал много. И хорошо написал. Пьесы его, веселые, бодрые, такие же, как и их автор, живут в народе и будут жить на благо народа много-много лет.

Константин ФИНН.

22 МАР 1984

МОСКВА